

3. Факты выпадения гласных мы можем обнаружить не только в приведенных суффиксах. Выпадение конечного гласного при словообразовании и словоизменении — явление в мордовских языках довольно распространенное, ср., например: *ало* 'низ' — *алкс* 'постель, подстилка', *кардо* 'хлев' — *кардсто* 'из хлева', *сельме* 'глаз' — *сельмс* 'в глаз' и т. д.

Очевидно, выпадение гласных связано с особенностями конечных гласных в мордовских языках и в меньшей степени с ударением.

Четвертая глава также интересна, богата ценными, свежими наблюдениями. Здесь рассматриваются словообразовательные возможности наречийно-образительных слов. Автор констатирует, что мордовские наречийно-образительные слова имеют специфическую морфологическую структуру; выявлены наиболее распространенные словообразовательные элементы. Богат по материалу и интересен по содержанию раздел о наречийно-образительных словах как основе для образования глаголов при помощи различных суффиксов (*либор* — слово, передающее трепетание, порхание, шелест

листьев: *либордомс* 'порхать'). В целом структурные особенности наречийно-образительных слов описаны хорошо и со знанием дела.

Говоря о синтаксических функциях наречийно-образительных слов (пятая глава), автор утверждает, что исследуемые слова могут выполнять функцию сказуемого без глагола и глагольного оформления, и приводит примеры типа *поцор-поцор сельветне* 'кап-кап слезы'. В таких случаях, очевидно, следует рассматривать наречийно-образительные слова как обстоятельство образа действия, а все предложение как неполное личное, с опущенным сказуемым.

В целом диссертация М. Д. Имайкиной представляет собой серьезное исследование; основные положения и выводы автора, сделанные на основе глубокого анализа фактического материала эрзянского и мокшанского языков, окажут большую помощь при исследовании лексики не только мордовских, но и других финно-угорских языков.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1969.3.15>

З. В. Учаев, Малмыжский диалект марийского языка (фонетические особенности). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Йошкар-Ола 1969.

Диалекты марийского языка в последнее время привлекают все большее внимание исследователей. В настоящее время марийское языкознание располагает подробным описанием целого ряда диалектов. Исследованию отдельных диалектных разновидностей посвящено несколько кандидатских диссертаций. К ним относится и работа З. В. Учаева «Малмыжский диалект марийского языка (фонетические особенности)», успешно защищенная 4 апреля 1969 года в Тартуском государственном университете. Официальными оппонентами выступили проф. П. Аристэ и канд. филол. наук И. Г. Иванов.

Работа почти полностью посвящена исследованию звуковой системы малмыж-

ского говора с точки зрения ее исторического развития. Это не первое исследование марийской фонетики в диахроническом плане. Заслуга автора прежде всего в том, что он ближе познакомил языковедов с одним из интереснейших говоров марийского языка.

Малмыжский диалект, отличающийся своеобразием, из-за отсутствия систематического описания его особенностей до настоящего времени оставался малоизученной областью марийского языкознания. Между тем эта языковая область, оказавшись изолированной от влияния литературного языка, сохранила в себе целый ряд черт, представляющих немалый интерес для исторического финно-угроведе-

ния. И, наконец, еще одно обстоятельство, которое требует безотлагательного изучения диалекта, — это рост влияния соседних русского и татарского языков, стирающего его специфические особенности.

Малмыжский говор особенно интересен для историков языка своей звуковой системой. Поэтому диссертант, нам кажется, поступил правильно, остановившись в работе на его фонетических особенностях. Обильный материал предоставляет данный говор для изучения истории развития финно-угорских согласных, и особенно так наз. *s*-овых звуков, гласных *i*, *u*, *ɲ*. Подробная характеристика и обстоятельный анализ именно этих особенностей — несомненное достоинство диссертации. Диссертант не только предоставляет в сконцентрированном виде богатый материал диалекта другим исследователям, но и рассматривает пути исторического развития этих особенностей. Некоторые выводы автора, сделанные на основе малмыжского говора, представляют интерес для марийского языка в целом. Во многих случаях выводы звучат весьма оригинально и отличаются от ранее высказанных исследователями предположений. Автор диссертации вступает в дискуссию с видными учеными и на фактах малмыжского говора доказывает ошибочность их утверждений. Это, в частности, относится к рассуждениям об истории фонемы *i* (стр. 77—86), анализу путей развития звуков *s*, *š*, *š̄* (стр. 195—229), происхождению редуцированных гласных (стр. 103—134) и т. д.

В отношении редуцированных гласных диссертант делает вывод об их возникновении в говоре под влиянием тюркских языков. Постановка данного вопроса в этом плане не нова для марийского языкознания. Однако заслуживает внимания высказанная З. В. Учаевым мысль о возникновении редуцированных гласных в древнемарийском языке, но не как промежуточной ступени между финно-угорскими и древнемарийскими гласными полного образования, а как дальнейшего самостоятельного развития на базе отдельных диалектов марийского языка. При характеристике лабиализованных редуцированных с точки зрения их происхождения, однако, нужно иметь в виду то обстоятельство, что в распространенности

этих гласных существует определенная разница между малмыжским говором и другими диалектами марийского языка, в которых имеются данные фонемы. Поэтому при изучении истории гласных *u* и *ɲ* никак нельзя было ограничиться только малмыжским говором, как это сделано в диссертации. Было бы целесообразнее рассматривать этот вопрос в связи с происхождением редуцированных в марийском языке вообще. Важность подобного подхода определяется еще и тем обстоятельством, что в современном марийском языкознании на данный вопрос существует два противоположных взгляда.

В диссертации З. В. Учаева дано описание всей фонетической системы изучаемого говора. Во время неоднократных экспедиций к носителям диалекта диссертанту удалось зафиксировать основные особенности говора. Констатируя их достоверность и полноту описания в целом, следует, однако, отметить, что описательная часть диссертации по своей широте охвата материала несколько уступает исторической. Создание у читателя целостного представления о малоизвестном диалекте должно быть, как нам кажется, одной из задач любой диссертации, посвященной характеристике отдельных говоров, будь она написана в диахроническом или синхронном плане. Еще в большей степени это относится к диссертации З. В. Учаева, в которой само название «Фонетические особенности» говорит за себя. Из сказанного, однако, не должно следовать, что в диссертации имеются в этом отношении недостатки принципиального характера. Описательная часть содержит ряд оригинальных замечаний автора. Так, нельзя не согласиться с автором, когда он оспаривает тезис об ассимилирующем влиянии в марийском языке звуков *z* и *ž* на последующие согласные (типа *ũssa*, орф. *у́сса* 'зовите'). З. В. Учаев прав, было бы неверно сопоставлять эти звуки в отношении их ассимилирующей способности с сонантами. Тонкими наблюдениями, обстоятельным анализом и интересными обобщениями отличается раздел о слогоделении. Выводы автора звучат убедительно и в этом плане делаются в марийском языкознании впервые.

Очевидно, описательная часть выглядит бледнее исторической потому, что ис-

торическому анализу явлений говора было уделено в диссертации максимальное внимание. Здесь читатель в общих чертах может проследить почти всю историю марийской фонетики. Однако это не повторение выводов предшествующих исследований, а авторское толкование фактов марийского языка на основе данных малмыжского диалекта. Кроме того, в своей работе он оперирует массой примеров, привлеченных из различных родственных и неродственных языков.

Интересно в диссертации описание гармонии малмыжских гласных, для которой характерно переплетение двух ее видов — палатальной и лабиальной. Такое явление встречается и в некоторых других говорах марийского языка. Однако З. В. Учаев выделяет особенности, характерные только для данного диалекта, и прежде всего более последовательное выступление лабиальной гармонии на протяжении всего слова. Подобное явление встречается в марийском языке не очень часто, поэтому здесь было бы интересно сопоставление с данными других диалектов, в частности северо-западных и восточных говоров.

Исследуя пути развития того или иного явления, автор не пренебрегает примерами из других диалектов. Однако данные северо-западного наречия и других восточных говоров, во многих отношениях имеющие одинаковые черты с исследуемым, остались вне его внимания. Такое сопоставление, например, могло бы дать много интересного при характеристике сингармонизма, для изучения истории лабиальных редуцированных и т. д. Тем более, что редуцированные в малмыжском говоре отличаются даже в пределах диалекта. Видимо, с этим связана некоторая терминологическая непоследовательность в диссертации, что в конечном счете приводит к теоретическим ошибкам. Так, иногда трудно понять, что представляют собой звуки $\underset{\sim}{u}$ и $\underset{\sim}{i}$ в первом слоге. В большинстве случаев у З. В. Учаева — это фонемы, но в то же время в отдельных местах — просто результат редукции полных гласных. Это, как известно, не одно и то же, и их разграничение имеет принципиальное значение.

Большое место в диссертации отводится истории звуков s , \acute{s} , \check{s} . Это не слу-

чайно. Для объяснения истории этих звуков диалект сохранил много интересных фактов. На их основе автор делает вывод о переходе в луговом наречии (только ли в луговом?) s , \acute{s} > \check{s} до марийско-тюркского языкового контакта (стр. 216). Однако вряд ли можно предполагать такой ранний переход s > \check{s} . Чем же в таком случае объяснить подобный процесс в русских заимствованиях — в самом последнем и сравнительно молодом пласте марийской заимствованной лексики? То же относится к z > \check{z} .

Характеризуя языковые факты в отношении исторического развития, всегда следует, видимо, помнить о хронологии, т. е. описывая современное состояние языка в синхронном плане, нельзя объяснять сущность языковых явлений, исходя из его исторического прошлого. Так, можно ли объяснять с этой точки зрения в современном состоянии языка озвончение \check{z} , δ в словах типа *u\check{z}a\check{s}* — *u\check{s}\check{s}o*, *pi\check{d}a\check{s}* — *pi\check{l}*? В современном языке начальные формы подобных слов все же нужно рассматривать как исходные, а все другие изменения — как результат действия фонетических законов диалекта. Другое дело, когда речь идет об историческом развитии этих звуков, — тут необходим совершенно иной подход. Можно ли говорить о палатализации согласных в словах типа *i\check{l}\check{a}\check{s}*, *ti\check{n}* как результате влияния переднерядных гласных? Если подойти с точки зрения современного состояния, очевидно, нет. В противном случае неизбежно возник бы вопрос, почему подобный процесс не коснулся слов типа *t\check{u}\check{n}\check{o}*. Опять-таки необходим дифференцированный в отношении хронологии подход к объяснению. Имевший в прошлом силу фонетический закон в настоящее время перестал действовать, поэтому нельзя применять его без оговорки при рассмотрении современного состояния языка.

Не являются, очевидно, историческим чередованием звуковые изменения в словах *lombo* — *olmapu*, *pakk\check{u}\check{z}\check{o}* — *\acute{e}\check{d}ray\check{u}\check{z}\check{o}* и т. д. Это всего лишь закономерные комбинаторные варианты соответствующих фонем.

В целом исследование З. В. Учаева — значительный вклад в марийскую историческую фонетику и диалектологию.

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)